

ИСТОКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

© 2022 г. И. И. Бутрим*, А. И. Чучаев**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: acad.sec@igpran.ru

**E-mail: moksha1@rambler.ru

Поступила в редакцию 11.05.2022 г.

Аннотация. В статье показаны поводы и причины принятия трех актов, явившихся основой зарождавшегося международного гуманитарного права: Конвенции об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны, определившей так называемое женеvское направление развития права войны; инструкции полевым войскам Соединенных Штатов и Декларации о запрещении употребления разрывных пуль, положивших начало «права Гааги». Раскрыто содержание указанных актов и определено их значение для дальнейшего развития права международных конфликтов.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, право войны, А. Джентили, Г.И. Солнцев, Анри Дюнан, улучшение участи раненых и больных воинов, Кодекс Либера, запрещение употребления разрывных пуль.

Цитирование: Бутрим И.И., Чучаев А.И. Истоки международного гуманитарного права // Государство и право. 2022. № 6. С. 131–141.

DOI: 10.31857/S102694520020479-7

THE ORIGINS OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

© 2022 I. I. Butrim*, A. I. Chuchaev**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: acad.sec@igpran.ru

**E-mail: moksha1@rambler.ru

Received 11.05.2022

Abstract. The article shows the reasons and reasons for the adoption of three acts that formed the basis of the nascent International Humanitarian Law: The Convention on Improving the Fate of Wounded and Sick Soldiers during the Land war, which determined the so-called Geneva direction of the development of the law of war; instructions to the field troops of the United States and the Declaration on the Prohibition of the Use of Explosive Bullets, who laid the foundation of the “Hague law”. The content of these acts is disclosed and their significance for the further development of the law of international conflicts is determined.

Key words: International Humanitarian Law, the law of war, A. Gentili, G.I. Solntsev, Henri Dunant, improvement of the fate of wounded and sick soldiers, the Lieber Code, prohibition of the use of explosive bullets.

For citation: Butrim, I.I., Chuchaev, A.I. (2022). The origins of International Humanitarian Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 131–141.

Международное гуманитарное право как такое как совокупность норм, цель которых заключается в ограничении последствий вооруженных конфликтов в гуманитарной сфере, в своем современном виде возникло относительно недавно, хотя при этом обычаи войны, положенные в его основу, имеют длительную историю. Иногда это право именуют правом вооруженного конфликта или правом войны (*jus in bello*)¹. В основе международного гуманитарного права «лежит определенное равновесие между соображениями военной необходимости и требованиями гуманности. С одной стороны, признается..., чтобы одержать победу над противником во время войны, военная необходимость может потребовать убивать, наносить ранения и вызывать разрушения, а также принимать более суровые меры безопасности, чем разрешено в мирное время. С другой стороны, МГП (международное гуманитарное право. — *Авт.*) устанавливает, что военная необходимость не предоставляет воюющим *carte blanche* для ведения ничем не ограниченной войны. Скорее соображения гуманности налагают некоторые ограничения на средства и методы ведения войны...»².

У истоков международного гуманитарного права стоял итальянский юрист, представитель поздней схоластики Альберико Джентили, «отец права народов»³. В России одним из первых, пожалуй, о праве войны начал говорить Г.И. Солнцев, фактически положив начало формированию международного уголовного права (примерно за 130 лет до принятия Женевских конвенций): «Также будет преступлением даже против неприятельских подданных, безоружных на время военное, их умерщвление, убийство женского пола, младенцев, священников и старых людей..., умерщвление пленных, коим дана пощада, насилие женскому полу»⁴.

Договоры о нормах ведения войны начали заключаться в 60-е годы XIX в. Первая конвенция по

¹ «Право вооруженных конфликтов — право, рассчитанное на исключительные ситуации, которое применяется тогда, когда многие нормы перестают действовать. Оно — последнее укрепление, возведенное среди варварства войны, чтобы не допустить еще большего варварства, каковым стало бы нарушение этих норм, применение которых не может быть подчинено противоположному соглашению, а значит, произволу самих воюющих» (см.: Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов: курс лекций / пер. с франц. 2-е рус. изд., основанное на 4-м франц. изд., с доп. авт. М., 2011. С. 102).

² Мельцер Н. Международное гуманитарное право: общий курс: справ. изд. М., 2017. С. 26.

³ См. подр.: Александренко В.Н. Очерки по истории науки международного права. А. Джентили и Г. Гроций // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. Ч. 3. С. 109; Балашова Н.Ю. Судьба итальянского юриста Альберико Джентили (1552–1608): сб. ст. М., 2004. Ч. 3. С. 134; и др.

⁴ Солнцев Г.И. Российское уголовное право. Ярославль, 1907. С. 77.

результатам Женевской конференции 1864 г. была посвящена вопросу об участии солдат, раненных на поле боя; вторая, заключенная на конференции в Санкт-Петербурге в 1868 г., запрещала использование разрывных винтовочных пуль. «Из этих скромных начинаний развились два отдельных (хотя и связанных между собой) направления в праве вооруженного конфликта, каждое из которых имеет свою цель: одно, так называемое “право Женевы”, уделяет особое внимание положению жертв войны, попавших в руки противной стороны (например, военнопленных или интернированных гражданских лиц), тогда как другое, обычно... называемое “право Гааги”, касается самих военных действий и допустимых средств и методов ведения войны»⁵.

Участь раненных на поле боя и попавших в плен всегда была, мягко говоря, незавидной. Однако, вероятно, самым худшим стало то, что наполеоновские войны начала XIX столетия уничтожили правило, считавшееся чуть ли не сакральным: щадить полевые госпитали противника и уважать неприкосновенность его медицинского персонала и раненых. Фронтвые медсанбаты стали подвергаться уничтожению, а медицинский персонал — превращаться в мишени для ружейного огня. Местное население также не могло оказать им помощь; рискнувшие сделать это, признавались активными пособниками врага.

История сохранила описание многих событий, поражающих своей бессмысленной жестокостью. Скорее всего это признавали многие, но требовались неимоверные усилия одного человека, который после битвы при Сольферино в Северной Италии⁶ в течение нескольких суток вместе с другими добровольцами оказывал помощь раненым, облегчал страдания умирающих (по некоторым сведениям, их было около 9 тыс. человек). Его имя — Жан Анри Дюнан, швейцарский предприниматель и общественный деятель, инициатор создания действующей в настоящее время международной гуманитарной организации Международного Комитета Красного Креста (МККК)⁷,

⁵ Кальсховен Ф. Ограничения методов и средств ведения войны. М., 1994. С. 8.

⁶ Эта битва — крупнейшее сражение австро-итало-французской войны, состоявшееся 24 июня 1859 г. между объединенными войсками Франции и Сардинского королевства против австрийской армии. Полем боя стали окрестности ломбардской деревушки Сольферино. Сражение закончилось победой франко-итальянской коалиции (см.: Драгомиров М. Сольферинская битва (с двумя планами). СПб., 1861). С битвой при Сольферино связано появление Общества Красного Креста.

⁷ 8 мая — день рождения Анри Дюнана (1828–1910) — отмечается как Международный день Красного Креста и Красного Полумесяца.

ставший в 1901 г. совместно с Фредериком Пасси⁸ первым лауреатом Нобелевской премии мира. Обо всем увиденном и пережитом он рассказал в книге «Воспоминания о битве при Сольферино», опубликованной в 1862 г.⁹ Пьер Буассье¹⁰ в предисловии к ней пишет: «Дюнан проклинал войну более страстно, чем кто бы то ни было. И невозможно читать его повествование, не разделяя чувств автора. Но цель Дюнана была не в этом. Он хотел показать всему миру, как это страшно, как жестоко призывать солдат в армию, заставляя их переносить невероятные тяготы и лишения, идти в бой, презирая опасность, для того чтобы потом, когда пули неприятеля выведут их из строя, оставить их умирать, как собак»¹¹.

Французские писатели-натуралисты братья Жюль и Эдмон Гонкур, обычно, как отмечают исследователи их жизни и творчества, щедрые на язвительные замечания, в своем общем дневнике, который вели с 1851 г., замечают: «Эти страницы наполнили... душу волнением. Высокие чувства, которыми книга проникнута, касаются сокровенных струн сердца. Она прекраснее, в тысячу раз прекраснее, чем Гомер, чем «Анабасис» Ксенофонта¹², прекраснее всего... Эта книга заставляет проклясть войну»¹³.

Подробно, пожалуй, почти фотографически запечатлев весь тот ужас, который испытал от увиденного, Дюнан задается двумя вопросами: 1) зачем

⁸ Фредерик Пасси (1822–1912) – французский политический деятель, миротворец. Основатель и первый руководитель Международной лиги мира (1868), активный участник создания Международного межпарламентского союза (1889), член (1877) и президент (1890) Академии моральных и политических наук.

⁹ На русском книга впервые издана в 1904 г. (см.: Дюнан А. Воспоминание о битве при Сольферино / пер с франц. С. Н. Норман; под ред. А. П. Плетнева. СПб., 1904). В 2015 г. вышло репринтное издание, осуществленное МККК.

¹⁰ Пьер Буассье (1920–1974) – швейцарский юрист, выполнял несколько миссий МККК в качестве делегата в различных международных конфликтах, автор и редактор ряда книг по истории МККК.

¹¹ Буассье П. Предисловие // Дюнан А. Указ. соч. С. X.

¹² «Анабасис» (др.-греч. – восхождение) или «Поход вглубь страны», также именуемое как «Отступление десяти тысяч» (название, вероятно, отражает количество оставшихся в живых), – самое известное из историко-биографических сочинений древнегреческого писателя и историка из Афин Ксенофонта. Книга содержит описание похода греческого войска в Азию и после битвы при Кунаксе (401 г. до н.э.) последующее отступление оставшихся в живых греков под командованием в т.ч. и самого Ксенофонта. В произведении также изложен опыт формирования греческой армии, взаимоотношения солдат и командования и др. (см. подр.: Ксенофонт. Отступление десяти тысяч. СПб., 1837).

Явные и скрытые аллюзии на «Анабасис» часто встречаются в произведениях мировой литературы (например, глава книги Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка», роман М. П. Шишкина «Венерин волос» и др.).

¹³ По материалам интернет-изданий.

было рассказывать обо всех этих страданиях и вызывать, вероятно, излишнее впечатление? 2) зачем описывать потрясающие картины с мельчайшими подробностями, кажущимися безнадежными до отчаяния? На эти естественные, по его мнению, вопросы автор отвечает также вопросом: почему нельзя основать добровольные общества, которые во время войны помогали или организовали бы помощь раненым и уход за ними? «Вопрос этот, при общем обсуждении, вызовет рассуждения и письменные отзывы людей более сведущих, но надо, прежде всего, чтобы эта мысль нашла отклик и сочувствие в сердцах людей..., горячо принимающих страдания ближних», – размышляет Дюнан.

Автор наметил конкретные меры, которые надлежало осуществить незамедлительно. Во-первых, в каждой стране силами общественности требовалось учредить национальную организацию помощи для оказания существующим военно-медицинским службам содействия в выполнении соответствующих задач. Предлагаемые общества, будучи постоянными, исполняли бы свои обязанности главным образом во время войны. В мирное же время они могли бы оказывать неопределимые услуги при природных катаклизмах: наводнениях, землетрясениях, пожарах и т.д. Эти общества должны находиться под защитой государства, на территории которого они были образованы, а в военное время должны беспрепятственно получать разрешения от воюющих сторон для реализации своей миссии.

В комитеты общества входят достойные, пользующиеся всеобщим уважением люди. Они наделяются правом обращаться к согражданам с просьбой помогать военным управлениям оказывать медицинскую помощь раненым на поле сражения и осуществлять уход в больницах до полного их выздоровления. «Вспомним... два примера самоотвержения... относящихся к войне на востоке и прямо подходящих к интересующему... вопросу, – пишет Дюнан. – Когда сестры милосердия ходили за ранеными и больными французской армии в Крыму, к русским и английским войскам прибыли с севера и запада два отряда под предводительством двух святых женщин. Вскоре после начала войны русская великая княгиня Елена Павловна, урожденная принцесса Шарлота Вюртембергская, выехала из Петербурга с тремястами дам, пожелавших нести всю больничную службу в госпиталях Крыма, за что их благославляли тысячи русских солдат»¹⁴.

Во-вторых, Дюнан считал необходимым заключить между государствами договор, который способствовал бы работе предлагаемых обществ и служил гарантией участи раненых.

¹⁴ Дюнан А. Указ. соч. С. 58.

Для воплощения указанных идей потребовалось всего меньше года. В феврале 1863 г. Дюнан совместно с Гюставом Муанье¹⁵ создал Комитет, в который помимо них вошли:

генерал Гийом-Анри Дюфур (1787–1875) – инженер-мостостроитель, топограф, основатель Швейцарского федерального топографического ведомства, президентом которого был с 1838 по 1865 г. В его честь названа самая высокая точка Швейцарии – пик Дюфур;

доктор Луи Поль Амеде Аппиа (1818–1898) – хирург, достигший особых успехов в военной медицине;

доктор Теодор Давид Эжен Монуар (1806–1869) – хирург¹⁶.

В этом же году в Вюртемберге было учреждено первое национальное общество помощи, в 1864 г. подобное общество появилось в Ольденбурге, Бельгии и Пруссии, в 1866 г. – в Нидерландах. В последующие годы они начали работать во многих странах Европы и стали называться обществами Красного Креста и Красного Полумесяца.

В целях распространения своих идей члены первого Комитета решили воспользоваться проходившим в 1863 г. в Берлине международным конгрессом по статистике. Выступая на площадках конгресса, они агитировали за заключение государствами подготовленного Дюнаном договора, предусматривающего возможность оказания помощи раненым на поле боя и защиту медицинского персонала. В результате предпринятых усилий удалось добиться того, что по предложению правительства Швейцарии 8 августа 1864 г. в Женеве была созвана дипломатическая конференция, которая уже 22 августа того же года приняла Конвенцию об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны¹⁷. Текст Конвенции, на наш взгляд, целесообразно привести полностью.

¹⁵ Луис Габриэль Гюстав Муанье (1826–1910) – швейцарский юрист, общественный деятель, филантроп. В 1859 г. возглавил Женевское общество общественного благосостояния. В 1864 г. занял пост председателя Комитета Красного Креста, руководил этой организацией с 1865 по 1910 г. В 1870–1871 гг. выступал с предложениями о создании международного суда, в компетенцию которого входило бы рассмотрение дел о нарушении международного гуманитарного права. В 1873 г. совместно с Густавом Ролен-Жакмэном основал Институт международного права (Женева), который возглавил в 1892 г.

¹⁶ По материалам интернет-изданий.

¹⁷ В русскоязычной литературе встречается под разными названиями, в некоторых случаях имеются незначительные расхождения в тексте.

«1) Амбулансы¹⁸ и военные госпитали будут признаваться нейтральными и как таковые почитаться неприкосновенными (respectes) и пользоваться покровительством (proteges) воюющих сторон, пока в них будут находиться больные или раненые.

Нейтральность прекращается, если эти амбулансы или госпитали охраняются военной силой.

2) Права нейтральности будут распространяться на личный состав госпиталей и амбулансов, включая части интендантскую, врачебную, административную и перевозочную для раненых, а также включая священнослужителей, – когда он будет в действии и пока будут оставаться раненые, коих требуется подобрать или оказать им помощь.

3) Поименованные в предыдущей статье лица могут, и по занятии места неприятелем, продолжать исполнение своих обязанностей в госпитале или амбулансе, при котором они состоят, или удалиться, чтобы присоединиться к корпусу, к которому они принадлежат.

В этих случаях означенные лица, по прекращении исполнения ими своих обязанностей, будут, попечением занявшей место армии, сдаваемы на неприятельские аванпосты.

4) Движимость (materiel) военных госпиталей подчиняется действию законов войны, и состоящие при этих госпиталях лица, удаляясь из них, могут брать с собою только те вещи, которые составляют личную их собственность.

Амбуланс, напротив, при тех же обстоятельствах будет сохранять свою движимость.

5) Местные жители, подающие помощь раненым, будут пользоваться неприкосновенностью и останутся свободными.

Командующие воюющих держав будут обязаны предупреждать жителей о таком призыве к их чело­веколюбию и о праве нейтральности, имеющем последовать за оное.

Каждый раненый, принятый и пользующийся уходом в каком-либо доме, будет служить охраной тому дому. Местный житель, принявший у себя раненых, будет освобождаться от воинского постоя, а также от некоторой части налагаемых военных контрибуций.

6) Раненые и больные воины будут принимаемы и пользуемы без различия, к какой бы нации они ни принадлежали.

Главнокомандующим войск будет предоставлено право немедленно сдавать на неприятельские аванпосты раненых в сражении военных чинов, когда будут

¹⁸ Амбуланс – полевой лазарет, повозка для раненых, санитарный автомобиль.

то позволять обстоятельства и с согласия обеих сторон.

Те лица, которые по выздоровлении будут признаны неспособными к военной службе, будут отправляемы обратно в отечество.

Остальные могут также быть отправляемы в отечество, но с обязательством не братья за оружие во все продолжение войны.

Эвакуация и лица ею распоряжающиеся будут находиться под защитой безусловного нейтралитета.

7) Для госпиталей, амбулансов и при эвакуации будет принят для всех одинаковый, отличительный флаг. Он должен во всех случаях быть поставлен вместе с флагом национальным.

Равным образом для лиц, состоящих под защитой нейтралитета, будет допущено употребление особого знака на рукаве; но выдача одного будет предоставлена военному начальству.

Флаг и нарукавная повязка представляют красный крест на белом фоне.

8) Подробные правила исполнения настоящей конвенции в частностях будут постановлены главнокомандующими воюющих сторон согласно с полученными ими от их правительств инструкциями и основными началами, выраженными в этой конвенции...»¹⁹.

Конвенция была подписана 32 государствами (всеми европейскими, шестью американскими и одним азиатским). Россия присоединилась к ней 22 мая 1867 г.

Наиболее принципиальными являются положения Конвенции, к числу которых можно, например, отнести следующие:

в условиях войны санитарным транспортным средствам и полевым госпиталям присваивался статус нейтральных; более того, пока имелись на лечении раненые и больные, они находились под покровительством сторон военного конфликта;

медицинский и санитарный персонал не мог быть захвачен в плен и подвергнут обстрелу, он сохранял нейтральный статус до тех пор, пока на поле боя оставались раненые, которым требовалась медицинская помощь;

раненых и больных комбатантов, к какой из воюющих сторон они ни относились, следовало обеспечивать надлежащим уходом, лечением и др.

Особо следует выделить еще один момент. Конвенцией предусматривался отличительный знак госпиталей, санитарного транспорта и личного состава подразделений, занимающихся эвакуацией

раненых, — флаг или нарукавная повязка единого образца с изображением красного креста на белом фоне.

Оценивая первую Женевскую конвенцию 1864 г., Ф. Кальсховен отмечает: «За этим первым, скромным шагом должны были последовать еще многие другие, прежде чем право Женевы приобрело ту значимость и относительную полноту, которые оно имеет сегодня. Дальнейшие шаги делались либо в направлении расширения круга лиц, подлежащих защите, либо совершенствования правил в свете приобретенного опыта»²⁰.

Примерно через 20 лет существования Конвенции стали раздаваться голоса либо о прекращении ее действия, либо о замене регламентами отдельных государств. «С этим взглядом можно было бы согласиться, — пишет И.И. Ивановский, — если бы было действительно доказано, что цель, преследуемая Женевской конвенцией, не может быть ни в каком случае примирена с военными интересами, или ее недостатки не могут быть исправлены, а неудобства превышают приносимые ею услуги. Можно лишь согласиться с тем, что конвенция 1864 г. нуждается в пересмотре, дополнении и исправлении»²¹.

Государства — участники рассматриваемой Конвенции отказались заменять ее национальными регламентами, в т.ч. и отдельными правилами для различных армий. Преимущества международно-правового регулирования оценивались выше, чем национальное регулирование оказания помощи раненым. Во-первых, этим достигается единый подход к разрешению соответствующей проблемы; во-вторых, положения международных договоров являются обязательными для всех участников договора. Ничего подобного нельзя добиться при закреплении аналогичных правил в рамках национальной правовой системы.

В 1899 г. был заключен новый договор, распространивший принципы Конвенции 1864 г. на раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море. В дальнейшем Конвенция изменялась и дополнялась в 1906 и 1907 гг. и только в 1929 г. в Женеве была принята новая.

Так называемое гаагское направление права войны, несмотря на наименование, на самом деле берет свое начало вовсе не в Гааге, а в двух других городах — в Вашингтоне и Санкт-Петербурге.

В Вашингтоне в 1863 г. был обнародован ставший знаменитым Указ «Инструкция полевым войскам

¹⁹ Текст приводится по: *Ивановский И.И.* Женевская конвенция 10/22 августа 1864 г. Киев, 1864. С. 37–39.

²⁰ *Кальсховен Ф.* Указ. соч. С. 11.

²¹ *Ивановский И.И.* Указ. соч. С. 37–39.

США»²², вошедший в литературу как Кодекс Либера. Фрэнсис Либер (изначально Франц, 1800–1872) — юрист немецкого происхождения, специалист по международному праву, политолог. В 1815 г. подростком добровольно участвовал в битвах при Линьи и Ватерлоо, был серьезно ранен в шею при штурме Намюра, перенес тиф. В ранние годы обладал столь радикально-либеральными взглядами, что мечтал о покушении на Наполеона III. В годы войны между Севером и Югом профессор был одним из самых сильных в академической среде сторонников Союза, часто консультировал министерство обороны по наиболее важным и актуальным проблемам. В 1863 г. по просьбе президента Авраама Линкольна написал проект указанной Инструкции, который был обнародован 24 апреля 1863 г. в виде общего приказа № 100 войскам северян²³. «Пропитанный идеями лучших мыслителей XVIII в. и основанный на общей концепции того, что война может быть законна только при условии соответствия методов ее ведения определенным правилам, этот текст, будучи внутренним документом и предназначенным для применения в условиях гражданской войны, послужил импульсом для последующей кодификации законов и обычаев войны и явился затем основой знаменитых Гаагского и Женевского международных договоров»²⁴.

Кодекс Либера содержит 157 статей, объединенных в 10 разделов. Об объеме регулируемых отношений свидетельствуют хотя бы названия последних:

Раздел 1. Военное положение. Военная юрисдикция. Военная необходимость. Возмездие (ст. 1–30).

Раздел 2. Государственная и частная собственность врага. Защита лиц, и особенно женщин, религии, искусств и наук. Наказание преступлений против жителей враждебных стран (ст. 31–47).

Раздел 3. Дезертиры. Военнопленные. Заложники. Добыча на поле боя (ст. 48–80).

Раздел 4. Партизаны. Вооруженные враги, не принадлежащие к враждебной армии. Разведчики. Вооруженные бродяги. Война. Повстанцы (ст. 81–85).

Раздел 5. Безопасность. Шпионы. Война. Предатели. Захваченные гонцы. Злоупотребление флагом перемирия (ст. 86–104).

Раздел 6. Обмен пленными. Флаги перемирия. Флаги защиты (ст. 105–118).

Раздел 7. Условно-досрочное освобождение (ст. 119–134).

Раздел 8. Перемирие. Капитуляция (ст. 135–147).

Раздел 9. Покушение (ст. 148).

Раздел 10. Восстание. Гражданская война. Восстание (ст. 149–157).

В Кодексе детально регламентирован широкий круг обстоятельств, связанных с военными действиями. Так, он проводит различие между военным положением и военным угнетением. «Военное положение — это просто военная власть, осуществляемая в соответствии с законами и обычаями войны. Военное угнетение — это не военное положение²⁵, это злоупотребление властью, которую дает этот закон. Поскольку военное положение осуществляется военной силой, те, кто его вводит, обязаны строго руководствоваться принципами справедливости, чести и человечности — добродетелями, украшающего солдата даже больше, чем других людей, по той самой причине, что он обладает силой своего оружия против безоружного» (ст. 4).

Военное положение может быть более или менее строгим. Последнее характерно для регионов и стран, полностью оккупированных или справедливо завоеванных. Первое же имеет место там, где существуют или предполагаются реальные военные действия, к которым необходима соответствующая подготовка. Оно может быть объявлено и в собственной стране командующего, что обусловлено первоочередной обязанностью защищать ее от вторжения.

Военная юрисдикция также бывает двух видов: во-первых, определяемая законом; во-вторых, вытекающая из общего права войны. Военные преступления, предусмотренные статутным законом, должны рассматриваться в порядке, им регламентированном; наказуемость деяний аналогичного характера, не подпадающих под статут, определяется законами каждой конкретной страны и правом войны²⁶.

Кодекс обстоятельно перечисляет все возможные действия (причинение урона противоборствующей стороне) и их последствия, допускаемые в рамках военной необходимости. В их перечень входят: уничтожение вооруженного врага, причинение увечий воюющим; случайная гибель иных

²² В литературе встречаются и несколько иные названия этого документа: «Инструкция для правительства армий Соединенных Штатов на местах», «Инструкция для командования армий Соединенных Штатов на полях сражений» и др.

²³ См. подр.: Корюшкин А. И. Фрэнсис Либер — первый профессор политологии // Политекс. 2010. Т. 6. № 3. С. 5–19.

²⁴ Там же. С. 17.

²⁵ По Кодексу военное положение состоит в приостановлении оккупирующей военной властью уголовного и гражданского права, а также деятельности внутренней администрации правительства на оккупированной территории и в замене их военными правилами, а также «в диктовке общих законов», поскольку военная необходимость требует этого (ст. 3).

²⁶ В армии Соединенных Штатов дела о первых рассматривались военными судами, а о вторых — военными комиссиями.

лиц; захват как вооруженного, так и безоружного врага, имеющего значение для враждующего правительства или представляющего особую опасность для захватчика; уничтожение имущества, транспортных коммуникаций, тылового обеспечения и т.д. Однако при этом специально в Кодексе оговорено: «Люди, которые поднимают оружие друг против друга в общественной войне, не перестают быть моральными существами, ответственными друг перед другом и перед Богом» (ст. 15). Отсюда вытекает и запрет на определенные виды поведения воюющих сторон. Так, военная необходимость не предполагает проявления жестокости, т.е. применения страданий ради страданий или из мести, увечий или ранений, пыток и вымогательства признаний, ядов, бессмысленного опустошения местностей. Военная необходимость не предполагает никаких актов враждебности, которые делают возвращение к миру излишне трудным. «Неприятель, прибегающий в сражении к недозволенным военным средствам, тем самым ставит себя вне законов войны. Он подлежит закону возмездия, в особенности если мщение может постигнуть настоящих виновников», — пишет А.-В. Гефтер²⁷.

В Кодексе затронуты проблемы возмездия, являющегося, по признанию современников Либера, самой суровой чертой войны. Безрассудный противник зачастую не оставляет другой стороне никаких иных средств обезопасить себя от повторения варварского бесчинства. Однако представляется очевидным: «несправедливое или необдуманное возмездие все дальше и дальше уводит воюющих от смягчающих правил регулярной войны и быстрыми шагами приближает их к междоусобным войнам дикарей» (ст. 28).

Особое внимание в Кодексе уделено защите ряда категорий лиц, религии, произведений искусства и науки. Так, признается незаконным принуждение подданных противника. Имущество, принадлежащее церквям, больницам или другим учреждениям исключительно благотворительного характера, учебным заведениям или фондам содействия знаниям — государственным школам, университетам, академии наук, обсерваториям, музеям изящных искусств, научным учреждениям, не относится к общественной собственности и, следовательно, не может быть реквизировано победителем. Более того, классические произведения искусства, библиотеки, научные коллекции или драгоценные инструменты (например, астрономические телескопы), а также больницы должны быть защищены от всех возможных повреждений.

Судьба вывезенных из страны произведений искусства, библиотек, коллекций или инструментов

²⁷ См.: *Гефтер А.-В.* Европейское международное право. СПб., 1880. С. 241.

должна определяться последующим мирным договором. Однако и в этом случае Кодекс содержит примечательную оговорку: они не могут быть проданы или переданы кому-то, присвоены частными лицами либо уничтожены.

На оккупированных территориях признаются и защищаются религия и мораль, обеспечивается безопасность их жителей, особенно детей и женщин, «святость семейных отношений». Правонарушения, посягающие на указанные ценности, подлежат строгому наказанию. Всякое бессмысленное насилие, совершаемое против лиц в захваченной стране, уничтожение имущества, разграбление имущества, изнасилование, ранение, увечье или убийство мирных жителей запрещается под страхом смертной казни. Кодекс закрепляет правило, согласно которому «солдат, офицер или рядовой, совершивший такое насилие или не подчинившийся приказу начальника воздержаться от него, может быть законно убит на месте таким начальником» (ст. 44).

Солдатам и офицерам запрещается использовать свое положение или власть в оккупированной стране для личной выгоды, в т.ч. совершение коммерческих сделок. Нарушение этого запрета предполагает: в отношении офицеров — наказание в виде кассирства²⁸ или аналогичной меры в соответствии с тяжестью проступка; в отношении солдат — другие меры воздействия, исходя из характера правонарушения. Так называемые общеуголовные преступления, караемые уголовным законодательством воюющих стран (убийство, нанесение увечий, изнасилование, грабеж, кража, мошенничество, поджог, подлог документов), если они совершены против жителей оккупированной страны, предусматривали двойную наказуемость: по месту совершения преступления и по отечественному уголовному праву. При этом рекомендовалось применять к виновным более суровое наказание (кроме смертной казни).

Несомненный интерес представляет определение военнопленного, содержащееся в Кодексе. Согласно ст. 49 «военнопленный — это враг общества, вооруженный или прикрепленный к вражеской армии, который попал в руки захватчика, сражаясь или раненый, на поле или в госпитале, путем индивидуальной капитуляции или капитуляции»²⁹.

²⁸ Кассирство, или церемония деградации представляет собой ритуальное увольнение офицера из армии за нарушение дисциплины. До Первой мировой войны кассирование предполагало церемонию на плацу перед войсками с уничтожением символов офицерского статуса: срыванием эполет, снятием значков и знаков отличия, срыванием шапки, ломанием меча, разбрасыванием по земле медалей и т.д.

²⁹ К категории военнопленных относились и заложники — лица, принятые «в залог исполнения» соглашения, заключенного между воюющими сторонами во время войны или вследствие войны.

В качестве таковых могут быть солдаты любого рода войск; лица, прикрепленные к армии и непосредственно способствующие достижению целей войны; инвалиды; офицеры; враги, бросившие оружие и просящие пощады, и др. К их числу также относятся сатлеры³⁰, редакторы, репортеры, подрядчики. С одной стороны, все они претерпевали невзгоды, обусловленные их пленением, с другой — имели право на привилегии военнопленных. «Ни один воюющий не имеет права заявлять, что он будет обращаться с каждым захваченным человеком с оружием в руках en masse (в массовом порядке. — *Авт.*) как с разбойником или бандитом» (ст. 52). Военнопленный не подлежит наказанию за то, что он является врагом. Месть в отношении него недопустима в какой бы то ни было форме, включая умышленное причинение увечий, страданий, позора, жестокое содержание в тюрьме, другое варварское отношение и т.д. В то же время военнопленный оставался ответственным за преступления, совершенные до пленения; в связи с этим в отношении него принимались карательные меры (если за указанные деяния он не был наказан собственными властями).

Особый статус имели военнопленные, являвшиеся монархом или членом царствующей семьи (как мужчины, так и женщины), главным офицером противоборствующего правительства, дипломатическим агентом, а также лицом, представляющим особую и исключительную пользу для враждебной армии.

«Послы и все другие дипломатические агенты нейтральных держав, аккредитованные при неприятеле, могут получать безопасные проводы через территории, занятые воюющими сторонами, если только нет причин для обратного и если они не могут удобно добраться до места назначения другим путем. Это не означает никакого международного оскорбления, если отказано в безопасном поведении. Такие пропуска обычно выдаются верховной властью государства, а не подчиненными офицерами» (ст. 87).

Вражеские капелланы, офицеры медицинского персонала, аптекари, медсестры больниц, если они попадают в руки воюющей стороны, не могут признаваться военнопленными. Из этого общего правила Кодекс содержит одно изъятие, изложенное в нем достаточно широко: «если у командующего нет причин удерживать их» (ст. 53). В этом случае с ними обращаются как с военнопленными, могут обменять на других военнопленных, если командир сочтет это нужным. Указанные лица могли и добровольно остаться в плену, чтобы быть вместе со своими пленными товарищами.

³⁰ Сатлер — гражданский торговец, продающий провизию офицерам и солдатам, путешествовавший с армией.

Военнопленными признавались и партизаны, но только «солдаты, вооруженные и одетые в форму своей армии.., принадлежащие к корпусу, который действует отдельно от основного корпуса с целью вторжения на территорию, оккупированную врагом...» (ст. 81)³¹.

Военнопленные привлекаются к работе в зависимости от ранга (звания) и состояния здоровья.

Пленные содержатся под охраной. Это обстоятельство потребовало регламентации ответственности за побег. Следует заметить, что они карались сурово — вплоть до лишения жизни. Вместе с тем наказание исключалось, если имела место попытка к бегству. Законы войны не признавали ее преступлением, подобного рода действия влекли за собой ужесточение мер безопасности. Военнопленные, сбежавшие из плена и вновь плененные на поле боя после присоединения к собственной армии, также не могли быть наказанными за побег, в отношении них лишь применялись более строгие меры изоляции.

При наличии же заговора, целью которого являлся общий побег или побег группы лиц, подлежали наказанию вплоть до смертной казни.

Несколько норм Кодекса посвящены вопросам проявления пощады к неприятельским силам³². Во-первых, закреплено правило, согласно которому ни один отряд войск не имеет права заявлять, что он не даст пощады и, следовательно, не будет ожидать жалости для себя. Однако из этого правила сделано

³¹ Как видим, понятие партизана Кодекс трактовал принципиально иначе, чем в последующие столетия. Например, в годы Великой Отечественной войны им признавалось лицо, добровольно ведущее вооруженную борьбу за свободу и независимость своей страны на территории, оккупированной противником. В соответствии с Кодексом такие лица признавались «грабителями с большой дороги» или пиратами. В случае их пленения они не могли рассчитывать на статус военнопленного (ст. 82). «Неприятель нисколько не обязан относиться к этим частным лицам как к солдатам регулярной армии. Они рассматриваются в этих случаях как разбойники.., хотя наименование это неприемлемо с нравственной точки зрения ко всем разрядам партизан», — пишет А.-В. Гефтер (см.: *Гефтер А.-В.* Указ. соч. С. 236).

Такая же участь ожидала шпионов, они подлежали казни через повешение (ст. 83, 88). Аналогичным образом поступали и с изменником (ст. 90). «Закон о войне, как и уголовный закон о других преступлениях, не делает различий по признаку пола в отношении шпиона, военного изменника или военного мятежника» (ст. 102).

³² «Право войны, тождественное с правом необходимой обороны, не допускает также жестокого обращения с положившим оружие или раненым неприятелем, который может быть взят в плен. Попечение о раненых неприятельской армии есть собственно дело великодушия победителя; но в интересе взаимности он не должен отказываться от этих забот, по предварительном обеспечении участи собственных больных и раненых. Он никогда не должен убивать неприятельских раненых. Подобное зверство извинительно только в одном случае, именно, когда доказано, что солдаты, подвергшиеся убиению, виновны в умерщвлении раненых противной стороны» (см.: *Гефтер А.-В.* Указ. соч. С. 242).

исключение: военачальнику разрешается ради спасения собственных сил не брать в плен. Во-вторых, войска, исключая пощаду, не имеют права убивать врагов, уже выведенных из строя или плененных другими войсками. «Тот, кто намеренно наносит дополнительные раны врагу, уже полностью выведенному из строя, или убивает такого врага, или кто приказывает или поощряет солдат делать это, подлежит смертной казни...» (ст. 71). В-третьих, закреплён принцип взаимности: коль скоро ты не дашь пощады противоборствующей стороне, то от нее тоже не ожидай милости. В-четвертых, не могут рассчитывать на нее войска, сражающиеся в форме своих врагов, не имеющей какого-либо простого, яркого и единообразного знака отличия.

Использование вражеского национального штандарта, флага или другой национальной эмблемы с целью обмана противника в бою признается актом вероломства; на такие обстоятельства не распространяются законы войны.

В Кодексе отдельно регламентирован обмен военнопленными. «Происходит обмен пленными — число на число, ранг на ранг, раненые на раненых, с добавленным условием на добавленное условие, например, не служить определенный срок» (ст. 105). Однако в Кодексе подчеркивается, что ни одна воюющая сторона не обязана делать этого. Более того, картель, заключенный между противниками, может быть оспорен, как только одна из сторон допустит его нарушение.

Наконец, следует хотя бы абрисно охарактеризовать сущность норм Кодекса, посвященных флагу перемирия. Использование в качестве такового белого флага в литературе связывается с решениями Гаагских конференций. Вероятно, в этом случае речь должна идти об официальном признании данного обстоятельства, фактически же белый флаг, символизирующий факт перемирия, использовался с незапамятных времен, что было зафиксировано еще при правлении восточной династии Хань (202 г. до н.э. — 220 г. н.э.). В Кодексе закреплено несколько правил. Так, парламентарий не может настаивать на том, чтобы его впустили в расположение армии воюющей стороны, более того, содержится специальное указание о том, что делать это следует с большой осторожностью, избегая ненужной частоты общения. «Если носитель флага перемирия предлагает себя во время сражения, он может быть принят только как очень редкое исключение. Сохранение такого флага перемирия, если оно будет допущено во время боя, не является нарушением доброй воли. Стрельба не обязана прекращаться при появлении флага перемирия в бою» (ст. 112). Убийство или ранение парламентаря во время сражения не дает оснований для жалобы.

Иная точка зрения позднее была высказана в литературе. Так, утверждается, что парламентары,

движущиеся к лагерю другой стороны с соблюдением условных знаков, пользуются неприкосновенностью. Им дается достаточный срок и обеспечивается необходимая безопасность для свободного возвращения в расположение своей части³³.

Использование указанного атрибута для тайного получения соответствующих военных сведений влечет признание переговорщика шпионом. «Флаг перемирия настолько священен и необходим, что... злоупотребление им является особенно тяжким преступлением...» (ст. 115).

Флагами другого цвета (как правило, желтого) в местах, которые обстреливаются, обозначаются больницы, чтобы избежать стрельбы по ним, а также госпитали, располагающиеся в пределах поля боя³⁴. Однако это несомненно гуманное правило содержит исключение. «Благородный воюющий позволяет себе руководствоваться флагами или сигналами защиты в той мере, в какой это позволяют обстоятельства и необходимость боя» (ст. 116).

Кодекс Либера, как уже отмечалось ранее, является внутренним документом Соединенных Штатов, был ориентирован на применение в условиях гражданской войны, тем не менее он оказал огромное влияние на развитие гуманитарного международного права, по сути, став основой для ряда стран приемлемой кодификации законов и обычаев войны.

В 1868 г. в Санкт-Петербурге по инициативе правительства России состоялось заседание Международной военной комиссии, на которой была принята Декларация о запрещении употребления разрывных пуль³⁵. Таким образом, предмет международного договора назывался в наименовании самого документа,

³³ См.: *Гейфтер А.-В.* Указ. соч. С. 242.

³⁴ Современные ученые отмечают, что «изначальная и главная цель отличительных эмблем заключается в том, чтобы быть хорошим видимым знаком защиты, на которую имеют право медицинский персонал и объекты. Использование отличительных эмблем в целях защиты ограничено медицинскими формированиями и санитарно-транспортными средствами, а также медицинским и духовным персоналом, оборудованием и запасами по смыслу МГП (международного гуманитарного права. — *Авт.*)». Более того, такое использование в целях защиты должно всегда получить разрешение заинтересованной воюющей стороны и контролироваться ею» (см.: *Мельцер Н.* Указ. соч. С. 184).

³⁵ См.: *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами.* Т. IV. Ч. II. Трактаты с Австрией. 1849–1878 г. / сост. Ф. Мартенс. СПб., 1878.

В литературе эта Декларация встречается и под другим названием, например, Санкт-Петербургская декларация 29 ноября (11 декабря) 1868 г. Е.Ю. Бондаренко именует ее Декларацией об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль (см.: *Бондаренко Е.Ю.* Международно-правовые аспекты военного плена в межгосударственных и российских нормативно-правовых актах XIX–XX вв. // *Международное право и международные организации / International Law and international organizations.* 2012. № 2. С. 155).

который в силу его уникальности и важности целесообразно воспроизвести полностью.

«По предложению Императорского Российского Кабинета, военная международная комиссия была собрана в С.-Петербурге с целью обсудить возможность запрещения употребления во время войны между цивилизованными народами известного рода снарядов, и по определении этой комиссией на основании взаимного соглашения, технических границ, в которых потребности войны должны остановиться перед требованиями человеколюбия, нижеподписавшиеся уполномочены разрешениями их правительств объявить нижеследующее:

Приняв во внимание, что успехи цивилизации должны иметь последствием уменьшение по возможности бедствий войны.

Что единственная законная цель, которую должны иметь государства во время войны, состоит в ослаблении военных сил неприятеля.

Что для достижения этой цели достаточно вывести из строя наибольшее по возможности число людей.

Что употребление такого оружия, которое по нанесении противнику раны без пользы увеличивает страдания людей, выведенных из строя, или делает смерть их неизбежною, должно признавать не соответствующим упомянутой цели.

Что употребление подобного оружия было бы противно законам человеколюбия.

Договаривающиеся стороны обязуются в случае войны между собой отказаться взаимно от употребления как сухопутными, так и морскими войсками снарядов, которые при весе менее 400 граммов имеют свойство взрывчатости или снаряжены ударным или горючим составом.

Они обязуются пригласить все государства, уполномоченные которых не принимали участие в совещаниях бывшей в С.-Петербурге военной международной комиссии, пристать к настоящему договору.

Договор этот обязателен только для договаривающихся сторон или сторон, которые пристанут к нему впоследствии, в случае войны между двумя или несколькими из них; он необязателен в отношении сторон, не подписавших договора или которые не приступили к нему впоследствии.

Равномерно договор перестает быть обязательным, когда во время войны между двумя сторонами, подписавшими договор или к нему приступившими, к одной из воюющих сторон присоединится сторона, не подписавшая договора или не приступившая к нему.

Стороны договаривающиеся и приступившие предоставляют себе право входить впоследствии между собою в новое соглашение всякий раз, когда с целью поддержать постановленные принципы и для

соглашения между собою требований войны и законов человеколюбия, — вследствие усовершенствований, произведенных науками в вооружении войск — будет сделано какое-либо определенное предложение».

Санкт-Петербургская декларация — прямая противоположность Кодекса Либера. Как указывалось ранее, последний является внутренним актом одного государства, следовательно, его действие ограничивается территорией одной страны, охватывает чрезвычайно широкий круг обстоятельств, тогда как Декларация относится к международным договорам, посвящена одной проблеме — применению определенного вида снарядов. Предмет договора был обусловлен появлением разрывных и зажигательных снарядов небольшого веса. В Декларации он ограничен 400 г. «Ограничение, правда, было более или менее произвольным: винтовочная пуля весила намного меньше, а артиллерийские снаряды того времени были значительно тяжелее. Смысл здесь, конечно же, был в том, чтобы разграничительная линия пролегла где-то между этими крайними величинами»³⁶.

* * *

Таким образом, Санкт-Петербургская декларация вместе с Кодексом Либера заложили основы «права Гааги».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александренко В.Н.* Очерки по истории науки международного права. А. Джентили и Г. Гроций // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. Ч. 3. С. 109.
2. *Балашова Н.Ю.* Судьба итальянского юриста Альберико Джентили (1552–1608): сб. ст. М., 2004. Ч. 3. С. 134.
3. *Бондаренко Е.Ю.* Международно-правовые аспекты военного плена в межгосударственных и российских нормативно-правовых актах XIX–XX вв. // Международное право и международные организации / International law and International organizations. 2012. № 2. С. 155.
4. *Буассье П.* Предисловие // *Дюнан А.* Воспоминание о битве при Сольферино / пер с франц. С.Н. Норман; под ред. А.П. Плетнева. СПб., 1904. С. X.
5. *Гефтер А.-В.* Европейское международное право. СПб., 1880. С. 236, 241, 242.
6. *Давид Э.* Принципы права вооруженных конфликтов: курс лекций / пер. с франц. 2-е рус. изд., основанное на 4-м франц. изд., с доп. авт. М., 2011. С. 102.
7. *Драгомиров М.* Сольферинская битва (с двумя планами). СПб., 1861.
8. *Дюнан А.* Воспоминание о битве при Сольферино / пер с франц. С.Н. Норман; под ред. А.П. Плетнева. СПб., 1904. С. 58.

³⁶ *Кальсховен Ф.* Указ. соч. С. 14.

9. *Ивановский И.И.* Женевская конвенция 10/22 августа 1864 г. Киев, 1864. С. 37–39.
10. *Кальсховен Ф.* Ограничения методов и средств ведения войны. М., 1994. С. 8, 11, 14.
11. *Корюшкин А.И.* Фрэнсис Либер – первый профессор политологии // Политекс. 2010. Т. 6. № 3. С. 5–19.
12. *Ксенофонт.* Отступление десяти тысяч. СПб., 1837.
13. *Мельцер Н.* Международное гуманитарное право: общий курс: справ. изд. М., 2017. С. 26, 184.
14. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. IV. Ч. II. Трактаты с Австрией. 1849–1878 г. / сост. Ф. Мартенс. СПб., 1878.
15. *Солнцев Г.И.* Российское уголовное право. Ярославль, 1907. С. 77.
4. *Boissier P.* Preface // *Dunant A.* Recollection of the Battle of Solferino / transl. from French by S.N. Norman; ed. by A.P. Pletnev. SPb., 1904. P. X (in Russ.).
5. *Gefter A.-V.* European International Law. SPb., 1880. P. 236, 241, 242 (in Russ.).
6. *David E.* Principles of the law of armed conflicts: a course of lectures / transl. from French. 2nd Russian edition, based on the 4th French edition, with additional author. М., 2011. P. 102 (in Russ.).
7. *Dragomirov M.* Solferinskaya battle (with two plans). SPb., 1861 (in Russ.).
8. *Dunant A.* Recollection of the Battle of Solferino / transl. from French S.N. Norman; ed. by A.P. Pletnev. SPb., 1904. P. 58 (in Russ.).
9. *Ivanovsky I.I.* Geneva Convention August 10/22, 1864. Kiev, 1864. P. 37–39 (in Russ.).
10. *Kalskhoven F.* Limitations of methods and means of warfare. М., 1994. P. 8, 11, 14 (in Russ.).
11. *Koryushkin A.I.* Francis Lieber – the first professor of political science // *Politex.* 2010. Vol. 6. No. 3. P. 5–19 (in Russ.).
12. *Xenophon.* Retreat of ten thousand. SPb., 1837 (in Russ.).
13. *Meltzer N.* International Humanitarian Law: General course: reference edition. М., 2017. P. 26, 184 (in Russ.).
14. Collection of treatises and conventions concluded by Russia with foreign powers. Vol. IV. Part II. Treatises with Austria. 1849–1878 / comp. F. Martens. SPb., 1878 (in Russ.).
15. *Solntsev G.I.* Russian Criminal Law. Yaroslavl, 1907. P. 77 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Alexandrenko V.N.* Essays on the history of the science of International Law. A. Gentili and H. Grotius // *Journal of the Ministry of Public Education.* 1906. Part 3. P. 109 (in Russ.).
2. *Balashova N. Yu.* The fate of the Italian lawyer Alberico Gentili (1552–1608): collection of articles. М., 2004. Part 3. P. 134 (in Russ.).
3. *Bondarenko E. Yu.* International legal aspects of military captivity in interstate and Russian normative legal acts of the XIX–XX centuries. // *International Law and international organizations.* 2012. No. 2. P. 155 (in Russ.).

Сведения об авторах

БУТРИМ Игорь Иосифович –

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, и.о. ученого секретаря Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ЧУЧАЕВ Александр Иванович –

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, и.о. заведующего сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

BUTRIM Igor I. –

PhD in Law, leading researcher, Acting Scientific Secretary of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

CHUCHAEV Alexander I. –

Doctor of Law, Professor, chief researcher, Acting Head of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia